

Ю. И. Кундиев работает над книгой «Институт сквозь призму эпох». Автор дал согласие на публикацию отдельных глав книги в журнале. Продолжение, начало в № 3 (31)/2012.

ИНСТИТУТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭПОХ

Ю. И. Кундиев

30-е — ударные и трагические

В начале 1930 года в системе Наркомздрава УССР было проведено ряд важных совещаний, решения которых во многом определили развитие здравоохранения и медицинской науки в республике. Необходимо было выполнять постановление ЦК ВКП(б) «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян», принятое в декабре 1929 года. Кроме того, был назначен новый нарком, им стал С. И. Канторович, он начал свою активную деятельность.

15 января в Харькове — столице Украины, состоялось Всеукраинское совещание по вопросам здравоохранения. В нем участвовало около 200 человек. Обращает на себя внимание состав участников: 16 — работники колхозов и сельхозкомун, 4 — рабочие из Донбасса, 30 — рабочие харьковских предприятий, 6 — члены комиссии рабочих по содействию Наркомздраву. Конечно, эти люди к проблемам здравоохранения прямого отношения не имели, но это не случайность — таков был ритуал — выполнялось требование партийных органов.

Нарком С. И. Канторович в докладе подчеркнул: «Основой основ нашей работы есть и должно быть оздоровление труда. ...Единый диспансер должен быть приближен к производству, необходима постоянная связь между ними, надо знать быт трудящихся, а затем разрабатывать методы и способы оздоровления». Нарком считал, что обеспечить успешное медицинское обслуживание трудящихся возможно лишь при активном участии в этом деле всего общества. Был избран правильный путь для достижения поставленной цели.

Замнаркома Г. О. Хармандарьян выступил с докладом об основных направлениях деятельности научных институтов Наркомздрава по выполнению планов первой пятилетки. Он подчеркнул, что основное условие — это развитие научной мысли на базе диалектического материализма. Затем последовали критические замечания, касавшиеся «...неудовлетворительного идеологического уровня сотрудииков институтов, характера научной дея-

тельности, которая не имеет в достаточной степени коллективизма, отмечается оторванность от жизни», звучало требование увеличить плановость в научной работе.

Докладчик особо выделил задачи, стоящие перед институтами патологии и гигиены труда: разработка мер по оздоровлению условий труда, изучение вредностей на производстве, рационализация трудовой деятельности. За институтами закрепились отрасли народного хозяйства: металлургическая промышленность — Днепропетровским институтом, горнодобывающая — Сталинским и Харьковским. Киевскому поручалось сельское хозяйство с учетом индустриализации (тракторизации). Институты должны были обосновать семичасовой рабочий день, непрерывное производство. Поручалось изучить проблему утомления, профессионального отбора, профессиональной ориентации, женского и подросткового труда. Принятая резолюция предусматривала также популяризацию деятельности институтов среди широких масс трудящихся [1].

В июле 1930 года была созвана VII сессия Всеукраинского санитарного Совета [2]. Об авторитете этого органа свидетельствует сам список выступающих: нарком С. И. Канторович, начальник санэпидуправления А. Н. Марзеев, профессор Л. В. Громашевский. С докладом на тему «Очередные задачи в области гигиены и патологии труда» выступили представители Харьковского и Киевского институтов (тексты этих докладов не сохранились).

Деятельность научных институтов системы Наркомздрава обсуждалась на пленуме Ученого медицинского совета 6 июня 1930 года, с докладом выступил председатель Ученого совета профессор Я. И. Лифшиц. В основном речь шла о «четком классовом подборе научных руководителей». Докладчик говорил: «...в медицинской отрасли, и даже в так называемой чистой науке, не должно быть аполитизмов. И в медицине есть и могут затаняться в отдельных местах вредительство (СВУ), а должно

быть общее активное участие в социалистическом строительстве. Опыт показал, что евгенику умудряются превратить в теорию аристократической белой кости, в теорию, которая исключает возможность диктатуры пролетариата. Опыт показал, что с фронта медицины пытаются бомбить диалектический материализм»*.

Это выступление, содержащее призывы к партийности в медицине, к бдительности, к поиску «врагов народа» является обычным для того времени. Не случайно упоминание дела «СВУ». В памяти участников пленума свежи были воспоминания о харьковском процессе, жертвами которого стало немало ученых, работавших в медицинской секции ВУАН. Тяжелая участь постигла молодого, талантливого профессора В. Я. Подгаецкого — заведующего кафедрой гигиены труда Киевского медицинского института. Когда Я. И. Лифшиц говорит о евгенике, то имеет в виду, прежде всего, работы В. Я. Подгаецкого.

В 1930 году во всех институтах гигиены и патологии труда работало всего лишь 124 научных сотрудника. На пленуме институты подверглись критике за низкий процент членов партии среди научных сотрудников (всего лишь 4 %), указывалось, что в важнейшей отрасли, непосредственно связанной с реконструкцией промышленности, с внедрением семичасового рабочего дня, с ударничеством, соцсоревнованием, такое положение недопустимо. Наркомздрав отметил также низкий процент среди научных сотрудников выходцев из рабочих и крестьян (всего лишь 8 %). Кадры анализировались и по национальному составу: украинцев — 11,6 %, русских — 16 %. Совместителей было 53 %. Киевскому институту было сделано замечание, связанное с отсутствием публикаций (с момента организации прошло всего лишь 1,5 года). Звучало требование активизировать работу по гигиене труда в сельском хозяйстве.

В Институте В. Ю. Чаговец формировал лабораторию физиологии труда, благодаря его авторитету изыскивались возможности для открытия новых вакансий. Представляет интерес следующий документ (приводится на языке оригинала): «Оголошується конкурс на заміщення 2 посад по лабораторії фізіології праці при Київському Ін-ті Патології та Гігієни Праці: 1. Старший

фізіолог, 1. Молодший фізіолог. Від кандидатів вимагається 5-річний (для старш. фізіол.) та 2-річний (для молодш. фізіол.) стаж з фізіології та наукової роботи. Знання укрмови обов'язкове. Умови: Утримання 135 крб. для старш. фізіолога, утримання 120 крб. для молодш. фізіолога. Особи, які бажають взяти участь у конкурсі, мають подавати заяви з відповідними копіями документів про службу до загального відділу НК Здоров'я. Останній термін подачі заяв 20 лютого 1930 року» [3].

Из этого объявления о конкурсе видно, что политика украинизации, начатая еще в 1923 году, продолжалась, и что конкурс, фактически, проводил не Институт, а Наркомат.

Внимание к физиологии труда следует объяснить не только научным авторитетом В. Ю. Чаговца, но и потребностями времени — профотбор, профориентация, физиологическое нормирование труда широко внедрялись на строящихся гигантах индустрии. Представляет не только исторический интерес, но, в известной мере, является поучительным, решение Коллегии Наркомздрава от 5 мая 1930 года (приводится на языке оригинала).

...4. Вважати за потрібне включити до пляну робіт Бюра профзахорувальности вивчення цієї проблеми в цілому, для чого при інститутах паталогії та гігієни праці утворити спеціальні відділи профдобору та профконсультації...

6. Беручи до уваги, що профдобір може бути поставлений вірно лише за умов обліку психотехнічних і медичних показів, заснованих не на разовому, а на систематичному й динамічному спостереженні, яке здійснюється виключно органами здоровохорони, порушити через Раднарком УСРР клопотання про організацію поруч із бюро профдобору й профконсультації при окрвідділі праці спеціальних бюро медичного й психотехнічного добору при установах здоровохорони для дачі висновків за плановими завданнями органів Наркомпраці... **

Профессиональный психофизиологический отбор остается актуальной проблемой и в наши дни. Безопасность и эффективность труда операторов, предупреждение аварийности на транспорте, сменный труд в решающей мере связаны с так

*Ліфшиць Я. І. Планування діяльності наукових інститутів Наркомздоров'я // Профілактична медицина. — 1930. — № 8. — С. 82.

** Діяльність колегії НКЗУ за час з I-V - I-VI 1930 року // Профілактична медицина. — 1930. — № 6-7. — С. 127.

называемым человеческим фактором. Свести его к минимуму можно используя современные методы психофизиологической экспертизы и контроля за текущей работоспособностью.

1929 год был назван годом «Великого перелома», но «Великий перелом» с нарастающей силой происходил и в последующем, фактически это было лишь начало. Ломали и переламывали всю первую пятилетку, если не дольше. И. Эрэнбург писал: «В 30-е годы, порой так рубили лес, что летели не щепки — вековые камни». Думаю, вернее сказать, что «в 30-е годы летели не щепки, а головы».

Жертвами стали сотни тысяч интеллигентов — священников, врачей, учителей, экономистов, инженеров. Они приняли революцию и не иммигрировали, но были отнесены к разряду «буржуазных специалистов». Аресту часто предшествовала «чистка», целью которой было исключение из партийных, государственных, научных и иных организаций «чуждых и бюрократившихся элементов». По сути это была публичная дискредитация личности с непременным участием представителей рабочих. Нередко вслед за «чисткой» шли аресты.

В 1930 году, по указанию ЦК ВКП(б), развернулась широкая кампания по проведению «генеральной чистки». Она происходила всюду, но с особой тщательностью «чистили» научные учреждения и прежде всего Академию. Протоколы заседаний комиссий по чистке кадров в Институте разыскать не удалось, но заседания этих комиссий мало чем отличались — сценарий у них был один. Полное представление о происходившем дает протокол заседания комиссии по чистке аппарата ВУАН от 6 августа 1930 года [4].

Комиссия состояла из двух представителей высших партийных органов (председателя и его заместителя), а остальные члены — рабочий металлзавода, рабочий Краснознаменного завода (бывший Арсенал), столяр паровозовагонных ремонтных мастерских и еще представитель месткома. Чистку проходили 250 человек, судьба каждого из них была в руках членов комиссии, в составе которой не было ни одного ученого. Протокол заседания занимает более 20 страниц, отдельные выписки из него приведены ниже (приводится на языке оригинала):

«Повістка денна:

1. Затвердження висновків персональної чистки апарату ВУАН...

18. Слухали: Імшенецький Володимир Михайлович, 38 років, асистент Геофізичної комісії. Батько — чиновник Земської управи. Брат в еміграції. Освіта вища — кінчив КІНО. Одержує 125 крб. Що робив і де був за період 1917-1921 рр. документально не встановлено. Починаючи з 1927 р. будь-якою науковою роботою не займався, а виконує технічну роботу. З громадського боку в колективі нічим себе не проявив. В 1927 р. Механічно вибув з профспілки, не сплачував членських внесків. Прийнято знову до спілки 1929 р.

Ухвалили: Зняти з цієї роботи за відсутністю наукової кваліфікації. Проїшов чистку в апараті ВУАН...

94. Слухали: Петров Віктор Платонович, 36 років. Освіта вища. Батько був піп. В ВУАН працює з 1919 р. Керівник Етнографічної комісії. Одержує 170 крб. на місяць. За випуск творчості Комісії відповідає як редактор.

Ухвалили: Зняти з посади керівника Етнографічної комісії за допущення політичних вивіхів та перекручувань як в своїх деяких працях і в деяких матеріалах Комісії. Зважаючи на визнання своїх помилок, а також зважаючи на його громадську активність за останній час, залишити Петрова В. П. на некерованій посаді наукового робітника в Комісії етнографії...

97. Слухали: Добровольський Микола Андрійович, 50 років. Батько був кустар. Сам теж кустар. Зараз працює механіком Кабінету транспортної механіки. Одержує 200 крб. на місяць.

Ухвалили: По чистці апарату зняти з роботи в ВУАН як власника майстерні. Зважаючи на те, що майстерня, в якій він працює, не являється власністю ВУАН, а його, Добровольського [М. А.], - повідомити фінвідділ для оподаткування...

107. Слухали: Назимов Володимир Сергійович, 78 років. Батько був генерал. Мати — дочка поміщика. Освіта вища юридична. До 1900 р. був на посадах члена окрсуду і прокурора по карних справах. З 1900 р. до 1914 р. на посадах у судових палатах і департаментах по цивільним справам. 1915 рік — сенатор цивільного та касаційного департаменту Державного Сенату. 1918 рік — сенатор цивільного генерального суду в Києві (за гетьмана). З 1921 року — науковий співробітник

Комісії звичаєвого права при ВУАН. Отримує 125 крб. На пропозицію Комісії доставити свої наукові праці за останні 3 роки — відмовився.

Ухвалили: По чистці апарату зняти по I категорії (рівносильно аресту)...

116. **Слухали:** Сагарда Микола Іванович, 60 років. Працює як вчений секретар Бібліографічної комісії ВУАН — одержує 125 крб. Разом працює в ВБУ як зав [івудувач] відділом комплектування. Одержує 180 крб. Освіта — закінчив Петербурзьську духовну академію. Батько був дяком. Сам весь час працював професором богослов'я. У ВУАН працює з 1927 року. За весь час надруковано понад 10 аркушів. За висновками Комісії, що обслідувала ВБУ, ухвалено зняти Сагарду [М. І.] з посади. Висновки Комісії ще не затверджено НКЮ. До революції мав звання доктора церковної історії.

Ухвалили: по чистці апарату зняти з роботи в ВУАН, заборонити займати наукові та відповідальні посади в усіх ланках радянського, кооперативного та громадського апарату...

124. **Слухали:** Курінний Петро Петрович, 36 років. Освіта вища. Батько — селянин. У ВУАН працює з 1929 року, а дійсний член ВУАК з 1924 року. Одержує зараз 125 крб. Батько зараз член колегії оборонців в Умані. Сам зараз [працює] секретарем ВУАК. Для співробітництва до роботи в ВУАК було ним закликано на коректора укр [аїнської] мови попа Софійського собору Карпова, якого зараз заслано по процесу СВУ.

Ухвалили: За притягнення до співробітництва у видавництві ВУАК попа Карпова, зараз засланого в справі СВУ, при чистці апарату оголосити догану...

133. **Слухали:** Зосимович Дмитро Павлович, 29 років. Освіта вища. У ВУАН працює з 1930 р. на посаді ляборанта. Одержує 100 крб. Батько земський лікар. Виконує технічну роботу з 1928 р. Вважає своє положення за ненормальне, бажає продовжувати свою наукову роботу, но робити це не має можливості.

Ухвалили: пройшов чистку в апараті ВУАН. Запропонувати ліквідувати свою політичну неписьменність...

181. **Слухали:** Яновський Віктор Теофілович, 39 років. Освіта вища. У ВУАН працює з

1927 р.— нештатний науковий співробітник Комісії фінансів III відділу. Одержує 60 крб. з 1929 року. Ще штатний професор КІНГ — одержує 150 крб. Батько академік (номер 1928 р.).

Ухвалили: Пройшов чистку в апараті ВУАН. (В середині 30-х професор Яновський В. Т. был арестован, погиб в лагерях)...

185. **Слухали:** Масютин Юрій Миколайович, 34 р [оки]. Освіта вища. Батько був земський лікар. У ВУАН працює з 1929 р. Нештатним співробітником — 62 крб. У Демографічному інституті. Ще працює пост [ійним] робіт [ником] «Пролетарської правди» (Юрмас) — пересічно 15 крб. (закінчив КІНГ — і аспірант катедри мистецтва з 1926 р., музичн [ої] секції [...]). Мати мала маєток в 100 дес [ятин] землі. Був членом партії есерів (організував нелегальну друкарню) з 1917. Брат був в армії Денікіна — емігрував за кордон; повернувся 1922 р. за амністією.

Ухвалили: Пройшов чистку в апараті ВУАН...

230. **Слухали:** Боголюбов Микола Миколайович, 21 р [ік]. Освіта середня. У ВУАН працює з 1925 р. Зараз науковий співробітник Катедри математичної фізики.

Ухвалили: Пройшов чистку в апараті ВУАН.»*

Поражает жестокость, прокурорская безапелляционность, без тени сомнения человека лишают работы, перечеркивают его будущее. С полным правом можно предположить, как проходил чистку первый директор Института Борис Яковлевич Шур. Конечно, он сообщил комиссии о своем членстве в БУНД'е (он никогда этого не скрывал), о своей подпольной революционной деятельности, о своей роли в организации здравоохранения в Украине после гражданской войны. Вероятней всего, комиссия сочла, что бывший бундовец не может возглавлять Институт. 5 февраля 1930 года с поста директора он был снят (по собственному желанию), а на его место назначили доцента Вениамина Петровича Горева. Его перевели на работу в Киев из Днепропетровского института патологии и гигиены труда, где он был директором. Он — коммунист ленинского призыва. Как чистили других сотрудников сказать трудно, но, наверное,

* Протокол засідання комісії по чистці апарату ВУАН // Історія Національної академії наук 1929-1933.— К., 1998.— С. 99.

в адрес профессорів В. Ю. Чаговця і Г. Л. Шкаверы не обошлося без строгого указання — підвищити рівень своїх політичних знань.

Чистки, як правило, супроводжались признанням совершених «ошибок» і покаєннями. Каялись не тільки для того, щоб уцелеть на роботі, головним був страх перед караючими органами ГПУ, НКВД. Каялись все — партійні і державні діячі, учені і лікарі, рядові працівники. Цілі колективи рапортували про те, що вони перебудували свою роботу і ударним трудом наближають світле майбутнє.

Известний киевський педіатр професор Р. Кольнер пише покаєнне лист до редакції журналу «Профілактична медицина» [5] (приводиться на мові оригіналу):

«Шановний т. Редактор.

В № 11 журналу вміщено мою статтю «До питання про плодючість жінок та смертність дітей» надруковано таку фразу: «Для нашого Союзу, що переживає добу державного капіталізму» — замість фрази: «Для нашого Союзу, що переживає добу соціалістичного будівництва». Вважаю, що така фраза є моя груба помилка, політично шкідлива. Заявляю, що ніколи таких поглядів не поділяла й не поділяю, що й прошу оголосити в найближчому номері журналу.

З товаришеским привітанням

Р. Кольнер»

В кінці 50-х років минулого століття я працював разом з професором Р. Кольнер в Київському міському товаристві «Знання». Вона була головою правління товариства, а я її заступником. Це була горда, знайома собі ціну професор, жінка, зберігаючи ще сліди колишньої краси — важко було уявити, що вона може визнавати себе без провини винуватою і спроможна виправдовуватися в гріхах, яких ніколи не совершала.

Коли читаєш подібного роду покаєнні листи, стає ясно, як за угоду малограмотним представникам влади освічені люди змушені були грішити перед істиною, відмовлятися від своїх переконань, слідувати примітивному штампі, продиктованому партійними директивами. В якості ще одного прикладу

може бути лист Б. М. Лядського в редакцію журналу «Профілактична медицина» [6] (приводиться на мові оригіналу):

«Вельмишановні товариші.

Прошу надрукувати на сторінках Вашого шановного журналу таке:

У своїй невеличкій літературній праці я припустив низку грубих політичних і ідеологічних помилок. В статті «Наукове життя, Міжнародна Гігієнічна виставка 1930 року в Дрездені», надрукованій в ч. 1-4 Дніпропетровського Медичного журналу за 1930 рік, я ідеалізував буржуазну гігієну, вихваляв капіталістичну профілактику. Замість розкривати класову природу буржуазної гігієни і профілактики, показати як обслуговується пролетаріат в капіталістичних країнах, що йому залишається з величезного арсеналу завоювань науки й техніки — я зображую щось на зразок урочистого походу науки. Я не виявив критичного ставлення, обов'язкового для кожного свідомого радянського наукового робітника і особливо для комуніста. Я цілком випустив з ока в цій статті Радянський Союз з його величезними всесвітніми досягненнями в царині охорони здоров'я широких трудящих мас. Як приклад і зразок в своїй статті я подав Гіденбурзьку Німеччину. Якщо міркувати за моєю статтею за зразок всього світу прекрасної постави санітарно-освітньої роботи є Німеччина. Також безпартійний і ідеологічно невірний і політично шкідливий є і мій підхід до діяльності земства, її бо я подаю історично невірно, забувши цілу класову природу самоврядування поміщиків і куркулів царської Росії.

Ювілейний характер статті не зменшує моєї відповідальності. Такі помилки є і в інших моїх статтях.

Класова партійна чуливість повинна озброювати кожного з нас такою мірою, щоб він міг уникнути навіть невеличких політично-шкідливих справ революції виступів і вчинків. Помилки, що я припустив, я можу виправити лише впертою і відданою працею, щоб опанувати методу діалектичного матеріалізму і виховати собі гостру класову партійну чуливість, щоб своїми невеличкими силами дати найбільшу користь справі соціалістичної охорони здоров'я пролетаріату.

З привітанням Б. М. Лядський»

Покаяния далеко не всегда помогали. Количество репрессированных с каждым годом увеличивалось: в 1928 году в лагерях пребывало 30 тыс., в 1930 году — 600 тыс., в 1933—1935 годах — около 5 млн, в 1935—37 годах — около 6 млн.

М. Попович, характеризуя этот период, отмечал, что «...в целом чекистский и идеологический террор периода 1928—1933 годов имеет выраженную «пролетарскую» и антиинтеллигентскую направленность, опирается на самые примитивные партийные силы и использует самую радикальную левую риторику»*.

С прошлым, даже трагическим, бесполезно спорить, но его необходимо анализировать с тем, чтобы найти верный путь как избежать подобных трагедий в будущем. Общеизвестно, что история повторяется.

В 1930 году, после смерти Д. К. Заболотного, Президентом ВУАН был избран академик А. А. Богомолец — основоположник отечественной школы патофизиологов, блестящий организатор науки. Ему принадлежат слова, ставшие афоризмом: «Науку надо любить как невесту». Во многом, благодаря огромному авторитету нового Президента, удалось оградить Академию и отраслевые институты от постоянного, часто грубого, вмешательства в их внутренние дела со стороны партийных органов.

Необоснованные преследования и аресты все еще продолжались, но дел подобных СВУ, уже не возникало. Благодаря поддержке А. А. Богомольца, состав Академии пополнялся выдающимися учеными. У него было особое чутье на талантливых людей. В 1939 году, при его поддержке, академиком АН УССР был избран профессор В. Ю. Чаговец.

В 1930 году А. А. Богомолец основал Институт экспериментальной биологии и патологии Наркомздрава УССР, а в 1934 году — Институт клинической физиологии АН Украины.

А. А. Богомолец — ученый необычайно широких интересов. Вместе с ним плодотворно работали экспериментаторы, видные клиницисты, представители профилактической медицины. К проблемам первостепенного государственного значения он относил сохранение здоровья рабочих. Об этом, в

частности, свидетельствуют его статьи, опубликованные в 1931 году: «Значение патофизиологического анализа для профилактики и терапии профессиональных заболеваний» и «К проблеме патогенеза и профилактики утомления».

Институт жил реалиями времени. Новый директор — доцент В. П. Горев в предисловии к первому сборнику «Сільськогосподарська праця» т. 1, выпуск 1, 1931 пишет: «...Институт в начале 30 года перестроил свою работу с целью обслуживания соцсектора села и сахарной промышленности и тем самым выполнил поручение Наркомздрава реорганизовать Институт — сосредоточив все усилия на сохранении здоровья тружеников, осуществляющих индустриализацию сельского хозяйства» [7].

В сборнике опубликованы обширные материалы первой масштабной экспедиции в крупный зерносовхоз и машинотракторные станции юга Украины. Автор предисловия подчеркивает: «Організація експедиції на збиральну компанію відбувалася по-ударному. Ввесь колектив інституту напружив усі організаційні сили. Тим то експедиція зуміла, хоч було чимало труднощів, розгорнути велику роботу»**.

Открывает сборник статья Г. Х. Шахбазяна и С. А. Гальберштата «Санитарно-гигиеническая характеристика работы на комбайне». В ней приведены детальные профессиограммы комбайнера, штурвального, приемщика зерна и тракториста. Кроме детального хронометража, описания рабочих операций, определялись энергетические затраты. Завершают статью меры по оздоровлению условий труда. Безусловно, это был важный раздел всей работы, но ему к тому же придавали еще и идеологическое значение. В предисловии редактор пишет: «С. — г. машини (трактори, комбайни), привезені з капіталістичного світу, носять на собі всі відбитки «соромного й важкого тягару» експлуатованої праці. Вже самий господарчий інтерес капіталіста не дає досить передумов до забезпечення праці робітника мінімальними гігієнічними обставинами».

Г. Х. Шахбазян публикует в сборнике статью «Метеорологический фактор в условиях полевых уборочных работ и методы его изучения». Это было начало систематических исследований Г. Х. Шахба-

* Попович М. Червоне століття, стр. 337.

** Труды та матеріали. т. 1, вип. 1. — Сільськогосподарська праця / Київ. Краєвий ін-т патології та гігієни праці; за ред. В. П. Горєва. Х-К. : Медвидав, 1931. — С. 3.

зьяна, посвященных микроклимату. Вся его последующая творческая деятельность связана с изучением этого фактора.

С. А. Гальберштат и Е. И. Шлаен определяли запыленность на сельскохозяйственных работах гравиметрическим методом. Авторы критически анализировали существовавшие в ту пору методы отбора проб воздуха. Должное внимание они уделили микроскопии пыли.

Г. Ф. Поллак в деталях описал проблему выхлопных газов, уделив при этом особое внимание отравлениям трактористов угарным газом. Был сделан важный вывод о хроническом отравлении трактористов СО.

Когда внимательно познакомишься с этой небольшой по формату книгой, прежде всего, отмечаешь подлинный энтузиазм, с которым авторы статей относились к новому для них делу, тщательность в сборе первичных данных в сложных экспедиционных условиях и стремление совершенствовать существовавшие в ту пору методы. Вместе с тем, Г. Ф. Поллаку, М. М. Авраменко и М. И. Лившиц не удалось избежать известной противоречивости в статье «Питание сельскохозяйственных рабочих в связи с энергетическими затратами». Авторы установили, что калорийность «пайки» недостаточна для покрытия энерготрат, особенно при выполнении работ вручную. В результате отмечается потеря в весе рабочих. Понятно трудное положение, в котором оказались исследователи, — в одном месте в выводах читаем: «...в начале посевной кампании ситуация с питанием в наших совхозах очень напряженная», а в другом — заявление более чем оптимистично: «В современном селе есть все условия для организации питания на научной основе». Такой вывод в канун надвигающегося голода — совершенно неожиданный, ученые сделать его не могли, скорее всего, выполнялся социальный заказ.

Проведение исследований на производстве было сопряжено с постоянными трудностями — не хватало вспомогательного персонала, отсутствовал транспорт, рабочим приходилось разъяснять цели исследований, к тому же Наркомтруд УССР ввел ограничения на допуск врачей на производство для проведения научных исследований по нормированию труда. Понадобилось вмешательство Председателя Совета Народных Комиссаров В. Я. Чубаря [8]. Он 20.06.1931 г. отменил все ограничения, — врачи, представители Наркомздрава получили право беспрепятственно посещать предприятия,

изучать условия труда, контролировать соблюдение гигиенических норм и правил. В наши дни врачи санэпидслужбы переживают аналогичную ситуацию: им заявляют, что нельзя мешать развитию бизнеса. В 30-е годы был несколько иной, но схожий мотив — нельзя было мешать ударничеству, физиологи труда должны были обосновывать стахановское движение — повышенные нормативы, ничего общего не имевшие с физиологическими. И все же, тогда в 1931 году, народные комиссары отдали приоритет сохранению трудового потенциала, здоровья трудящихся. История должна учить, по крайней мере, ошибки не следует повторять.

В конце 1931 года Коллегия Наркомздрава УССР приняла постановление об итогах научной деятельности институтов. Относительно Киевского института гигиены и патологии труда указано, что он начал научную работу по сельскохозяйственному труду и в сахарной промышленности. Что касается Харьковского института, то особо подчеркнуто, что в нем создан «исключительной ценности музей гигиены и патологии труда» [9]. К сожалению, этот музей не сохранился. «Исключительную ценность» уберечь не удалось.

В апреле 1932 года работу Института анализировала специальная комиссия (бригада). Надо отдать должное членам комиссии (имена их установить не удалось), они критически оценили деятельность всех отделов (секторов), указали на тяжелые условия в связи с переездом Института с улицы Воровского на улицу Рейтарскую. Элементарных условий для работы не было — гигиенический отдел размещался в одной комнате площадью 4 квадратных сажень. Клинический отдел вообще не имел базы — ни стационара, ни поликлиники. Почти все научные сотрудники были совместителями. В плане 1931 года значилось 65 тем, а выполнено лишь 36.

Комиссия весьма положительно оценила только работу профессора В. Ю. Чаговца по созданию новых приборов, было подчеркнуто, что это избавляет страну от иностранной зависимости.

Основной вывод комиссии (приводится на языке оригинала): «Треба провести злам в недбайливому, неуважному ставленні до інституту з боку медико-санітарних органів та влади в цілому». И далее указывалось, что за последний год Институт улучшил свою деятельность, добился важных результатов, и что в настоящее время направление и содержание его работы имеют исключительное значение.

Наркомздраву рекомендується всемерно поддержать Институт, укрепить его материальную базу, иначе он «вийде нанівець». Всеукраинскому институту патологии и гигиены труда (г. Харьков) рекомендовано оказать помощь научными консультантами, методическим руководством и аппаратурой [10].

В 1932–34 годах возможностей для проведения исследований по гигиене труда в сельском хозяйстве практически не было. Сельское население Украины голодало. Профессора часами выстаивали в очередях за хлебом, который походил на глину. Экспедиции в колхозы и совхозы не направлялись. Поездки в села были ограничены, а для иностранцев вовсе запрещены. Летом 1933 года был принят закон об охране урожая, в народе его назвали «законом о колосках». Колхозник даже с собственного поля не имел права унести ни одного зернышка, ни одного колоска — тюремное заключение сроком от 7 до 10 лет. Нередкими были случаи людоедства [11].

27 июня 1932 года директор Института В. П. Горев сообщил сектору науки Наркомздрава УССР о том, что на военную переподготовку мобилизовано из Института 6 научных сотрудников (Зингерман, Заикин, Заноздра, Зубков, Витте, Демьяненко), что срывает выполнение плана, в частности экспедиции на уборочную кампанию. В сентябре 1932 года Институт направляет письмо на имя Наркома УССР Канторовича о тяжелом финансовом положении. Из-за отсутствия средств экспедиции сорваны, зарплата не выплачивается, топливо не закуплено. Финансовый сектор Наркомздрава обвиняется в бюрократизме. Ответа на эти письма не последовало.

В 1933 году положение не изменилось, оно оставалось таким же тяжелым.

Поэтому, второй сборник работ Института, подписанный к печати в 1935 году [12], коренным образом отличается от первого — он не содержит результатов собственных исследований в производственных условиях, которые не проводились в силу сложившихся обстоятельств. Вместо этого в сборнике публикуются обзорные статьи. Фактически — это коллективная, в основном компилятивная, монография по гигиене труда в сельском хозяйстве, а статьи, по существу, являются отдельными главами, посвященными наиболее важным проблемам.

С. А. Гальберштат в обзоре «Гигиенические условия труда в сельском хозяйстве и меры по их оздоровлению» одним из первых уделяет внимание фактору, характерному для работ на сельско-

хозяйственных машинах, — сотрясениям (вибрации). Он описывает метод вибрографии и специально сконструированный виброграф. Впервые анализируется уровень вибрации на тракторах в зависимости от скорости движения и вида работ.

Большую практическую ценность представляет статья Г. Ф. Поллака «Токсикология химических веществ, используемых в сельском хозяйстве». Можно с полным правом считать, что это первая попытка создания справочного пособия по пестицидам. Автор классифицирует инсектофунгициды по производственному назначению. Среди фунгицидов — сера, бордосская жидкость, препараты меди; инсектициды представлены в основном соединениями мышьяка, фтора, никотина, серы; в группе контактных инсектицидов фигурирует пиретрум и минеральные масла, среди фумигантов — мышьяковистая кислота, хлорпикрин, нафталин, формальдегид; протравители семян — соединения меди, мышьяка, ртути (в том числе сулема), сера, формальдегид. Приводятся также краткие сведения о минеральных удобрениях.

В разделе, посвященном токсикологии этих веществ, описаны симптомы отравления, лечение острых интоксикаций, в отдельных случаях приводятся смертельные дозы. Завершается статья мерами профилактики при работе с ядохимикатами. Конечно, с позиций современной токсикологии пестицидов, эти данные выглядят довольно архаично, но не следует забывать, что это было началом систематических исследований по токсикологии и гигиене применения пестицидов не только в Институте, но и в стране в целом.

В сборник включена статья Н. К. Витте и С. И. Фудель-Осиповой «Женский труд в социалистическом сельском хозяйстве». Ценность этой работы состоит, прежде всего, в том, что впервые предлагается шкала сельскохозяйственных работ для беременных. Принципы, которые были положены в основу этой работы, актуальны и сегодня.

Особый интерес представляет статья М. И. Зингермана и Б. И. Росина «Медицинские противопоказания к приему на работу тракториста и трактористки». Это первый опыт в бывшем СССР разработки подобного рода документа. Огромное значение имел раздел, посвященный труду женщин, работающих на тракторах. В нем учтены основные положения статьи сотрудника Института И. В. Базелевича «До питання про застосування жіночої праці на тракторах», опубликованной в журнале

«Профілактична медицина» № 1–2 1932 г. [13]. Нужно было уметь противостоять партийным призывам – «Женщину на трактор» (эта тема была актуальна и в более позднее время, 1970–1980 гг.). Авторы в качестве консультантов привлекли к этой работе самых авторитетных профессоров из медицинского института: Р. С. Тартаковского, В. Г. Лазарева, М. Я. Харшака, Е. Я. Янкелевича и др. Важным является заключение этой статьи: «Разработанная нами таблица противопоказаний претендует только на то, чтобы быть ориентировочной схемой для врача... при решении вопроса о приеме на работу в каждом отдельном случае инициативе врача должно принадлежать первое место». Современный читатель отнесется к такой рекомендации с известной настороженностью. Это можно объяснить формализацией, которая произошла в медицине и продолжается поныне. Действия врача жестко детерминируются различного рода инструкциями, протоколами и прочими документами. В целом статьи второго сборника, по сравнению с первым, носят обобщающий характер, что свидетельствует о накопленных знаниях, приобретенном опыте за прошедшие годы.

В этот период Институт изменил свое название: вместо «Киевский краевой институт патологии и гигиены труда» стал «Киевский институт гигиены труда и профзаболеваний». Официальных материалов о том, когда и почему это произошло, обнаружить не удалось, но без сомнения, сказалось идеологическое влияние – при социализме патологии труда быть не может, такой левацкий подход в те годы был совершенно обязательным.

Обращает на себя внимание состав редколлегии второго сборника. Вместе с авторитетными учеными, профессорами В. Ю. Чаговцем, В. Г. Лазаревым, сборник редактировали молодые сотрудники Г. Х. Шахбазян, Н. К. Витте, М. И. Зингерман и С. А. Гальберштат (к 1935 г. они уже стали доцентами и старшими научными сотрудниками). Этот факт свидетельствует о многом. В самые сложные времена в Институте талантливые молодые ученые имели возможность для творческого роста, пользовались поддержкой своих учителей.

Н. К. Витте в неопубликованных записках подчеркивает важность работ Института по гигиене труда в свеклосахарном производстве. Была проведена физиологическая рационализация труда

рабочих, занятых на фильтр-прессах, сушильной установке Пасбурга, колке сахара, костакальне. Рабочие подвергались воздействию высокой температуры, которая сочеталась с большой физической нагрузкой. Н. К. Витте, Г. Х. Шахбазян разработали комплекс мер по улучшению теплоотдачи в горячих цехах. Этот опыт в последующем был использован при оздоровлении условий труда в горячих цехах металлургической промышленности.

В 30-е годы в Институте одним из важных подразделений была экспериментальная мастерская. Она была создана по инициативе В. Ю. Чаговца, одно время он даже заведовал ею. Главная задача, которую ученый пытался решить, – наладить изготовление приборов для научных исследований, в ту пору закупавшихся за границей. Им был создан струнный гальванометр, который можно было использовать в качестве электрокардиографа. В 1931–1936 годах было изготовлено 174 прибора. Их с успехом использовали в клиниках вместо тех, которые завозили из Англии и Германии. Наркомздрав УССР в 1933 году отметил вклад Василия Юрьевича Чаговца денежной премией, которую он передал для организации больницы в родном селе Заруддя Роменского района Полтавской (ныне Сумской) области. До войны в экспериментальных мастерских кроме струнного гальванометра изготавливали маятник Гельмгольца, универсальный электротермометр Шахбазяна-Эрмана, хроноскоп Витте и другие приборы для исследований в лабораторных и производственных условиях.

В 1935 году была присуждена ученая степень кандидата наук Н. К. Витте, М. И. Зингерману, Г. Ф. Поллаку и Г. Х. Шахбазяну. Они были первыми, кто прошел свой путь становления в Институте. В дальнейшем эти ученые достигли более высоких степеней и званий, но начало их творческого роста состоялось здесь, в Институте.

В 1936 году поиск «врагов народа» был особенно интенсивным, их выкорчевывали повсюду. Период в жизни страны с 1936 по 1939 год историки называют «ежовщиной» по имени Наркома внутренних дел СССР. Ежов был автором оперативного приказа № 00447, который гласил: «Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются»*. Этот приказ в руках полуграмотных людей делал свое дело. За один 1937 год расстреляли 353 074 чело-

* Млечин Л. *Председатели КГБ, рассекреченные судьбы.* – М.: Центрполиграф, 1999. – С. 144.

века (мой отец — среди них), арестовали почти один миллион — 936 750 человек [14].

Система здравоохранения, научные институты вновь, как и в 1928—1929 годах, подверглись резкой критике со стороны партийных органов. 21 октября 1936 года было принято специальное Постановление ЦК КП(б)У «Об Украинском институте экспериментальной медицины и его директоре Я. И. Лифшице». Институт и его директора обвиняли в извращении основной линии партии относительно организации здравоохранения. Директору приписали «теорию» отмирания лечебной медицины, разрушения санитарной организации, насаждения единого диспансера. Все это трактовалось как «меньшевистский идеализм», а его заявление о том, что советская санитарная инспекция подобна английской сочли за «апологетику буржуазии».

Досталось и профессору Либерману — ведущему сотруднику этого института. Его обвинили в антисоветской позиции за то, что он инфекционную заболеваемость связывал с санитарным состоянием страны, а не этапом общественного развития. С разгромной статьей по поводу концепции Лифшица-Либермана выступил С. С. Каган в журнале «Профілактична медицина». Название статьи в духе времени — «Розчистити охорону здоров'я від буржуазної засміченості» [15].

Судьбу профессоров Лифшица и Либермана установить не удалось, но можно не сомневаться в том, что она была трагической. Институт экспериментальной медицины вскоре был расформирован, аппаратура по приказу Наркомздрава была передана Киевскому институту гигиены труда и профзаболеваний.

19 февраля 1938 года был репрессирован основатель Всеукраинского Института гигиены труда и профзаболеваний, инициатор создания институтов этого профиля в Днепропетровске, Донецке, Киеве, Одессе профессор Эзра Моисеевич Каган. Его обвинили в антисоветской, меньшевистской, террористической деятельности. Решением особого совещания при НКВД СССР за принадлежность к контрреволюционной организации он был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет. В 1989 году посмертно реабилитирован [16]. Так колесо времени расправилось с выдающимся ученым в области профилактической медицины, крупным организатором науки, многие годы верой и правдой служившим интересам здоровья трудящихся.

8 февраля 1938 года в аспирантуру по промышленной токсикологии при Институте был зачислен Л. И. Медведь (приказ по Наркомздраву УССР от 8.02.38 г. № Д 024). У этого события непростая предыстория: с марта 1936 года по август 1937 года Л. И. Медведь был первым заместителем наркома здравоохранения УССР. Это те годы, когда каждый мог попасть в разряд «врагов народа», разоблачения касались, прежде всего, активных государственных и партийных деятелей. Не избежали этой участи и руководители Наркомздрава УССР. Нарком С. И. Канторович был арестован, во время следствия покончил жизнь самоубийством. Еще раньше были репрессированы руководители республики Косиор, Постышев, Якир и др. Дошла очередь до первого замнаркома здравоохранения Л. И. Медведя. На партийном активе, где председательствовал Н. С. Хрущев, продолжалось разоблачение «врагов народа», теперь в их разряд попал и Л. И. Медведь. Исход дела решила его смелость и находчивость (эта история описана многими, в том числе и Н. С. Хрущевым в его мемуарах). Льва Ивановича не арестовали, его сняли с поста замнаркома, исключили из партии, больше полугода он был без работы. Об этом времени он вспоминал неохотно, но спустя 20 лет рассказывал мне о том, как многие старые знакомые не только боялись предложить ему какую-то даже второстепенную должность, но и избегали встречи с ним — переходили на другую сторону улицы. Но в Институте гигиены труда не побоялись, он стал аспирантом. Научным руководителем ему утвердили профессора Г. Л. Шкаверу — ученого с большим опытом работы в области фармакологии и токсикологии.

Григорий Лаврентьевич Шкавера — ученик выдающегося российского фармаколога, академика Н. П. Кравкова. Его докторская диссертация «О разных фазах действия ядов на периферические сосуды» была выполнена в Военно-медицинской академии (Санкт-Петербург) с использованием метода изолированных органов (преимущественно уха кролика). Этот метод, предложенный Н. П. Кравковым, оказался чрезвычайно удобным для оценки действия различных веществ на сосуды. Он получил широкое распространение, в том числе и в токсикологической лаборатории Института.

Новый аспирант Л. И. Медведь освоил этот метод и использовал его при выполнении кандидатской диссертации «Токсикология некоторых органических соединений ртути (этилмеркурхлорид и этилмеркурфосфат)». В 1941 году диссертация была успешно выполнена, однако война не дала возможности своевременно ее защитить. Официальная защита состоялась только в апреле 1944 года в освобожденном Киеве.

В 1938 году, в составе Института, по приказу Наркомздрава УССР был организован отдел авиационной медицины. Заведующим отделом был назначен врач А. Д. Гурков, в штате нового отдела предусматривалось три научных сотрудника и три лаборанта [17]. Результаты деятельности отдела в открытой печати не публиковались. Надо полагать, они передавались военному ведомству. В структуре Института в послевоенные годы отдела уже не было. Вместе с тем, этот факт дает основание утверждать, что авиационная медицина в Украине берет свое начало в Институте гигиены труда и

профзаболеваний, предпосылкой для этого являлась весьма успешная деятельность отдела физиологии труда под руководством В. Ю. Чаговца.

В 1939 году вновь была проверка деятельности Института. На этот раз вскрытые недостатки направлены, в основном, против директора: невыполнение плана научных исследований, слабая дисциплина, отсутствие внутреннего распорядка, недостаточный контроль за сохранностью аппаратуры, библиотечного фонда и других материальных ценностей, перерасход средств во время длительной шестимесячной командировки в Ленинград лично директором и др. [18].

В приказе по Наркомздраву строгая запись: директору указать, обязать, выправить и т. д. Ясно было, тучи сгущались. Директор В. П. Горев принял единственно правильное решение – лучше уйти самому, чем тебя будут выкорчевывать как «врага народа». Произошла смена руководства, во главе Института стал доцент Гайк Хачатурович Шахбазян.

Литература

1. Всеукраїнська нарада в справах охорони здоров'я // Профілактична медицина.– 1930.– № 2.– С. 115.
2. Марзеев О. VII Всеукраїнська Санітарна Рада // Профілактична медицина.– 1930.– № 10.– С. 108.
3. Попит та пропозиції праці // Профілактична медицина.– 1930.– № 10.– С. 103.
4. Протокол засідання комісії по чистці апарату ВУАН // Історія Національної академії наук 1929–1933.– К., 1998.– С. 99.
5. Кольнер Р. До редакції журналу «Профілактична медицина» / Р. Кольнер // Профілактична медицина.– 1930.– № 2.– С. 137.
6. Лядський Б. М. До редакції журналу «Профілактична медицина» / Б. М. Лядський // Профілактична медицина.– 1932.– № 3–4.– С. 135.
7. Труды та матеріали. Т. 1, Вип. 1.– Сільськогосподарська праця / Київ. Краєвий ін-т патології та гігієни праці; за ред. В. П. Горева.– Х-К. : Медвидав, 1931.– С. 3.
8. Діяльність колегії НКОЗУ за час з 1-V – 1-VI 1930 року // Профілактична медицина.– 1930.– № 6–7.– С. 127.
9. Постанова Колегії народного комісаріату охорони здоров'я УРСР з 17–XII 1931 р. про підсумки огляду наукової роботи ін-тів НКОЗУ за 1931 р. (за матеріалами 3 сесії ВМР) // Профілактична медицина.– 1932.– № 1–2.– С. 81.
10. Акт обслідування Київського Інституту Патології та гігієни праці. 2–3/VI–32 р. // Центр. держ. архів вищих органів влади та управління, фонд 342, опис 3. од. зб. 4922, арк., 52–54а.
11. Глазко В. И. Николай Иванович Вавилов и его время. Хроника текущих событий / Глазко В. И.– К.: PANOVA, 2005.– С. 238.
12. Гігієна праці в соціалістичному сільському господарстві / Ред. В. П. Горев.– К. : Держмедвидав, 1936.– 135 с.
13. Базилевич І. В. До питання про застосування жіночої праці на тракторах // Профілактична медицина.– 1932.– № 1–2.– С. 26.
14. Млечин Л. Председатели КГБ, рассекреченные судьбы.– М. : Центрполиграф, 1999.– С. 144.
15. Каган С. С. Розчистити охорону здоров'я від буржуазної засміченості // Профілактична медицина.– 1937.– № 2.– С. 17.
16. Кундиев Ю. И. Профессор Э. М. Каган – видный деятель профилактической медицины // Укр. журн. з пробл. медицини праці.– 2005.– № 3–4.– С. 104.
17. Наказ № 31/90 по Народному Комісаріату охорони здоров'я УРСР від 19/VII–1939 р. // Центр. держ. архів вищих органів влади та управління, фонд 342, опис 14. од. зб. 347, арк., 158.
18. Наказ № ДО 110 по Народному Комісаріату охорони здоров'я УРСР, 28 лютого 1938 р. // Центр. держ. архів вищих органів влади та управління, фонд 342, опис 14. од. зб. 312, арк. 158.

Предвоенные годы, новые веяния

В предвоенные годы в СССР ускоренными темпами развивались не только промышленность, сельское хозяйство и транспорт, но и наука. Крупные успехи были достигнуты в ядерной физике, радиотехнике, материаловедении, органическом синтезе, геологии, в области биологии и других наук. Поддерживались научные школы, сохранившиеся с дореволюционного времени, рождались новые [1]. Однако в основном экономика и наука работали на оборону страны. В целом в 1941 году число научных работников в стране превышало сто тысяч человек (в 2011 г. только в Украине их число составило 128 тыс.).

Важным событием предвоенных лет явился XVIII съезд коммунистической партии. Его решения многое изменили не только во внутривнутрипартийной жизни, но и в обществе в целом. Прежде всего, декларировалось новое отношение к интеллигенции, звучали призывы «решительно бороться с пережитками неправильных взглядов на советскую интеллигенцию». Объяснялось это тем, что на смену дореволюционной «буржуазной» интеллигенции пришла новая советская интеллигенция, являющаяся «плоть от плоти рабочих и крестьян». Новый тип интеллигенции активно участвовал в «общей борьбе за построение коммунизма».

Массовые чистки были отменены, более того, прежняя практика преследования старых кадров осуждалась. Официально провозглашалась демократизация всех устоев жизни советских людей [2]. Наступил новый этап развития страны. Конституция СССР 1936 года, названная сталинской, законодательно закрепила победу социализма.

Представителей новой интеллигенции «плоть от плоти рабочих и крестьян» в Институте было немало. Недавние выпускники рабфаков, выходцы из рабочих и крестьян имели преимущества при занятии руководящих должностей, при приеме в аспирантуру и докторантуру. Отдельные талантливые выпускники медицинских институтов, члены партии сразу же со студенческой скамьи назначались на руководящие должности — в Наркоматы, становились директорами институтов или их заместителями. Как показал последующий ход событий, такая практика нередко себя оправдывала. Президент Академии наук СССР С. И. Вавилов писал: «Та молодежь, которая была привлечена в первые годы Советской

власти к научному исследованию, выросла и в годы Отечественной войны оказалась основной силой, определяющей развитие нашей науки и техники»*. Примером может служить Александр Самойлович Мамолат. Его, крестьянского сына, выпускника Киевского медицинского института, члена партии тотчас после получения диплома назначили директором Института туберкулеза в Киеве. Ему сказали, что это временно, он успешно директорствовал более 40 лет. В Киевский институт гигиены труда на должность заместителя директора по науке назначили выпускника, в недавнем прошлом рабфаковца, Михаила Владимировича Лейника.

В тех учреждениях, где молодые выдвиженцы имели возможность работать бок о бок с учеными — представителями старой школы и учиться у них, совершенствоваться не только профессионально, но и заимствовать общую образованность и культуру, они достигали успеха, сохраняли традиции. Подобная ситуация сложилась в предвоенные годы в Институте: продолжали работать выдающиеся ученые, профессора В. Ю. Чаговец, Г. Л. Шкавера, С. М. Чуманов, В. Г. Лазарев, К. М. Леутский, рядом с ними талантливые молодые ученые — Н. К. Витте, С. А. Гальберштат, М. В. Лейник, Л. И. Медведь, Г. Х. Шахбазян, И. М. Эрман и др. Это в решающей степени определило быстрый рост научных кадров Института.

В 1935 году Наркомздрав УССР присудил без защиты диссертации (в ту пору это было возможно) ученую степень кандидата наук четырем научным сотрудникам — Н. К. Витте, М. И. Зингерману, Г. Ф. Поллаку, Г. Х. Шахбазяну. В 1939 — 1940 годы защитили кандидатские диссертации в ученых советах семь научных сотрудников Института (С. А. Гальберштат, М. М. Росин, М. В. Лейник, В. П. Горев, И. М. Эрман, П. Л. Брагинский и О. О. Путилова) [3].

В предвоенные годы в Институте были завершены исследования по восьми докторским диссертациям, из них две были защищены и две представлены к защите. Так весьма стремительно рос научный потенциал Института в тот период.

Всего до войны было опубликовано около 230 научных работ. Причем, это были статьи не только в сборниках, но и в «солидных» журналах, что является несомненным свидетельством актуальности и качества выполненных исследований. Статья Г. Х. Шахбазяна, И. М. Эрмана, П. С. Голышевского

*Вавилов С. И. Советская наука на службе Родине. — М. — Л.: Изд-во АН СССР. — 1946. — С. 14.

«Универсальный электротермометр» была опубликована в журнале «Советская наука» № 12 за 1940 год. М. В. Лейник опубликовал ряд статей в «Медицинском журнале АН УРСР». Сотрудники публиковали статьи во всесоюзных журналах: «Физиологический журнал СССР», «Фармакология и токсикология», «Гигиена и санитария», «Гигиена труда и техника безопасности» и др. [4].

В довоенный период много публикаций из Института появилось в специализированных изданиях: «Тракторист и комбайнер», «Заводская лаборатория», «Советский сахар» и др. Этим преследовалась важная цель — научный результат скорее достигал заинтересованного читателя.

В неопубликованных записках Г. Х. Шахбазаяна [5] уделяется должное внимание работам Института предвоенных лет, имеющим теоретическое значение. Это всестороннее, углубленное изучение проблемы метеорологического фактора и его влияния на организм человека (Г. Х. Шахбазаян, Н. К. Витте, И. М. Эрман, К. М. Леутский). Результаты этих фундаментальных исследований (в те годы этот термин использовался не так часто, как в наши дни) легли в основу нормирования производственного микроклимата. Благодаря этому Институт участвовал в подготовке общесоюзного ГОСТа по промышленной санитарии. Эта проблема не потеряла своего значения и в настоящее время — многие, установленные в то время закономерности используются ныне в космической медицине. В связи с глобальным потеплением пересматриваются нормы с учетом результатов исследований тех лет.

Физиологи труда (Н. К. Витте, М. В. Лейник, В. А. Нови) под руководством академика В. Ю. Чаговца установили новые закономерности в области электрофизиологии (скорость проведения нервного возбуждения при различных состояниях, теория мышечного утомления, электрокардиография на производстве).

В экспериментальных мастерских Института были созданы конструкции и освоено производство ряда новых приборов для научных исследований. Трудно переоценить значение этой работы в довоенные годы. Приборов катастрофически не хватало, закупки за рубежом были свернуты. Исследования на производстве часто ограничивались описаниями, измерения производить было нечем. В последующем приборы, изготовлявшиеся в Институте, нашли применение во многих лабораториях и клиниках научно-исследовательских учреж-

дений Советского Союза. Самую высокую оценку у пользователей получили струнный гальванометр — электрокардиограф, хроноксиметр (В. Ю. Чаговец), электротермометр, фригориметр и фригограф (Г. Х. Шахбазаян), хроноскоп (Н. К. Витте), пневмотермограф (И. М. Эрман). Выпуск многих из них продолжался и в послевоенные годы. Физиологи и гигиенисты труда моего поколения практически не могли обходиться без использования этих приборов.

Основная задача, которая стояла перед Институтом в довоенные годы, — оздоровление условий труда в социалистическом сельском хозяйстве и сахарной промышленности. У Наркомздрава УССР критериями оценки деятельности Института было внедрение конкретных предложений в эти отрасли народного хозяйства, научные достижения уходили на второй план. Такой утилитарный подход доминировал не только применительно к отраслевым институтам, страна остро нуждалась в ускоренных темпах развития производства и сохранении трудового потенциала.

Надо отдать должное руководителям и всем сотрудникам, работавшим в Институте в то трудное время. Они сделали все возможное для выполнения непростых задач — довоенный перечень практических разработок выглядит достаточно весомо. Ниже приведены лишь некоторые из них [6]:

- устройство эксгаустера для отсоса пыли на молотилке МК-1100 (принято заводом «Серп и молот» в Харькове);
- рациональное расположение выхлопной трубы и устройство эжектора в целях уменьшения СО в зоне дыхания тракториста (принято Сталинградским тракторным заводом);
- конструкция зонта и мягкого сидения на колесном тракторе ХТЗ (принято Наркомземом СССР);
- освещение сельскохозяйственных агрегатов и трактора (одобрено участниками Всесоюзного совещания по электрификации и механизации сельского хозяйства);
- общие принципы вентиляции сахарных заводов (принято Главсахар);
- безопасная ручка для заводки трактора (принято Всесоюзным трестом «Техника безопасности»);
- предохранительное приспособление к соломо-резке (принято Наркомземом УССР);
- гигиеническое усовершенствование рабочего места на комбайне (принято Наркомсовхозов СССР).

Вместе с тем, решение сугубо прикладных задач умело сочеталось с проведением фундаментальных исследований, целенаправленных на познание тонких механизмов повреждающего действия вредных факторов. С тех пор такой подход к развитию науки в Институте стал его характерной особенностью, в конечном счете, предопределившим его академический статус в последующем. Важно помнить истоки, они возникли в трудные тридцатые благодаря самоотверженному труду и таланту замечательных людей того времени.

28 января — 2 февраля 1940 года в Харькове состоялся Второй украинский съезд промышленных врачей. Он был посвящен выполнению практических задач в области гигиены труда и борьбы с профессиональными заболеваниями в связи с решениями XVIII съезда ВКП(б). С докладами выступили Нарком здравоохранения И. И. Овсиенко, главный промышленно-санитарный инспектор Наркомздрава УССР М. Я. Супоницкий, ведущие сотрудники институтов (З. Д. Горкин, А. Б. Леках, М. А. Абрамович, М. К. Картман, С. В. Миллер). Были широко представлены делегации из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Воронежа (Н. А. Вигдорчик, С. П. Генкин, Б. Б. Койранский, Н. С. Правдин и др.).

Представляет интерес анализ профессиональных отравлений и профессиональных заболеваний в УССР за 1939 год, с которым выступил М. Я. Супоницкий. Это был первый год, когда удалось «более или менее полно» учесть профотравления и профзаболевания по 23 отраслям промышленности. С удовлетворением было отмечено, что случаев массовых отравлений «почти не было» (что такое «почти» выяснить невозможно — цифры не приводились). 51 % профотравлений был вызван окисью углерода, а 21,9 % — комбинацией окиси углерода и окислами азота. «Ничтожно мало» было зарегистрировано случаев отравлений свинцом и ртутью.

Среди профзаболеваний 87,7 % всех случаев составили дерматиты, керато-конъюнктивиты и электрофтальмии. Отравления и профзаболевания в основном выявлялись в каменно-угольной, коксо-химической и машино-строительной отраслях. О пневмокониозах, хронических пылевых бронхитах, вибрационной болезни упоминаний вообще нет. Объяснить это можно слабостью диагностических возможностей медицинских учреждений, обслуживающих рабочих [7].

В отличие от Первого украинского съезда промышленных врачей, который состоялся в 1936 году, на Втором съезде участие сотрудников

Института выглядело более весомым, особенно это касалось метеорологического фактора на производстве, нормирования микроклимата. Доклады Г. Х. Шахбазяна, И. М. Эрмана, А. А. Путиловой выгодно отличались высоким методическим уровнем и практической направленностью. Все они были заслушаны на пленарных заседаниях. Всего на съезде от Института было представлено 13 докладов.

На первом съезде, в 1936 году, ключевую роль играл профессор Эзра Моисеевич Каган. Он возглавлял оргкомитет, выступал с основным докладом «Задачи и основные вопросы организации научно-практической и научно-исследовательской работы в области гигиены и физиологии труда». Второй съезд промышленных врачей Украины проходил без своего лидера, в 1938 году Э. М. Каган был репрессирован.

Политическое преследование директора Всеукраинского института гигиены труда и профзаболеваний дало повод для многочисленных проверок деятельности этого учреждения. Сохранилась стенограмма заседания коллегии Наркомздрава УССР от 31 октября 1940 года на котором обсуждались итоги деятельности Института в 1939 году и первой половине 1940 года. От имени комиссии, которая проверяла работу, выступили М. Я. Супоницкий и Г. Х. Шахбазян, они предложили признать работу Всеукраинского института неудовлетворительной, мотивируя это тем, что Институт недостаточно занимается разработкой нормативов, не вооружает проектирующие организации. Далее критические замечания касались многотемности, отсутствия комплексности. Вероятно, для того, чтобы хоть как-то смягчить ситуацию, Г. Х. Шахбазян заявил, что эти же недостатки есть во всех других институтах гигиены труда, а не только в Харьковском. Отмечалось несоответствие уникальной материально-технической базы Института в области светотехники и вентиляции низкому уровню внедрения в практику [8].

Конечно, М. Я. Супоницкого, Г. Х. Шахбазяна и других членов комиссии никоим образом нельзя винить — поступить иначе они просто не могли, время было жестокое. И члены коллегии и комиссии, не по своей воле, явно грешили против истины — это не их вина, а скорее их беда — еще полтора года тому назад этот Институт, его директор профессор Э. М. Каган совершенно справедливо были в числе неоспоримых лидеров профилактической медицины. И вдруг — директор арестован как «участник меньшевистской террористической

организации», в Институте тот час вскрывается целый ворох недостатков (надо показать преступную деятельность «врага народа»). Это совершенно типичное развитие событий для того времени.

Я не уверен в том, что сегодня уместно рассуждать о морали и нравственности людей целого поколения, запуганных режимом в 30–40 годы минувшего века. Очевидно, что в большинстве случаев срабатывал инстинкт самосохранения — боязнь не только за себя, но и за своих близких. Этот эпизод я привожу только для того, чтобы подчеркнуть одну непреложную истину: «Наука без морали погибнет» (Д. С. Лихачев). Важно помнить, что свершившиеся факты из исторической памяти вычеркнуть невозможно. Нужно помнить о том, что было для того, чтобы избежать повторения прошлого в настоящем и будущем. Пройдут годы и современные тенденции подчинения науки интересам определенных финансовых и социальных групп, ее коммерциализация, потеря в связи с этим объективности отдельными учеными получают критическую, но справедливую, оценку истории. В этом можно не сомневаться.

Несмотря на то, что в стране после XVIII съезда декларировалось «новое отношение к интеллигенции» аресты ученых и деятелей культуры не прекращались. Менялись наркомы внутренних дел, госбезопасности: Ягоду сменил Ежов, Ежова Берия, Берия Меркулов и т. д., а жестокость репрессий оставалась прежней. В январе 1939 года лично Сталин подписал секретную шифротелеграмму, в которой «...разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод» [9].

В эти годы невинными жертвами режима стали выдающиеся деятели науки и культуры, среди них ученый с мировым именем, гениальный генетик академик Николай Иванович Вавилов. Он мечтал досыта накормить всю Россию. А сам умер голодной смертью 26 января 1943 года в Саратовской пересыльной тюрьме на 56-м году жизни. Многие его верные ученики и сотрудники были расстреляны в 1941 году. В застенках НКВД погибли поэт Осип Мандельштам, писатель Исаак Бабель, режиссер Всеволод Мейерхольд и тысячи других.

Следует отметить, что в предвоенный период весьма активно работала Госпромсан инспекция,

которую возглавлял М. Я. Супоницкий. Он добивался принятия специального постановления Правительства УССР относительно внедрения результатов научных работ институтов гигиены труда, предлагал порядок, в соответствии с которым апробированные предложения институтов безоговорочно должны приниматься главками и включаться в титул [10]. Правительственное постановление не было принято, помешала война.

19 мая 1941 года ушел из жизни выдающийся ученый академик Василий Юрьевич Чаговец. Он на протяжении 12 лет был научным руководителем Института. Мировая наука — фундаментальная и прикладная физиология понесла огромную потерю, лишилась одного из своих творцов. А в Институте не стало мудрого Учителя, олицетворявшего скромность, благородство, преданность науке.

Н. К. Витте, возглавлявший Институт в 1944–1945 годах, следующим образом характеризует его довоенную деятельность: «...до начала Отечественной войны Институт развил большую научную и практическую работу, дал ряд конкретных предложений, сумел поднять интересные теоретические вопросы гигиены и физиологии труда и за сравнительно короткий срок вырос в хорошо оснащенное научное учреждение. За время существования Института был создан «спаянный» коллектив научных работников, посвятивших себя гигиене и физиологии труда, который дал более 230 научных работ и практических предложений главным образом в области оздоровления условий труда и снижении заболеваемости и травматизма в сельском хозяйстве, сахарной промышленности, что представляло большое значение не только для Украины, но и для всего Советского Союза...»

Война прервала работу Института в самом ее расцвете. Основные кадры пошли в Красную армию, среди них 6 заведующих лабораториями, 3 заведующих отделами и директор Института. Вот список этих товарищей: доц. Шахбазян, доц. Витте, доц. Эрман, доц. ст. н. сотр. Брагинский, др. мед. наук Леутский, канд. мед. наук Лейник, доц. Гальберштат, канд. мед. наук Путилова, др. мед. наук Зингерман. За успешное выполнение боевых заданий некоторые товарищи награждены орденами и медалями [11].

О патриотизме простых сотрудников Института красноречиво свидетельствует следующий факт: Надежда Цезаревна Стежко — лаборант отдела физиологии труда в сентябре 1941 года решила, что нельзя оставить приборы на разграбление, она унесла часть из них к себе домой и там надежно спря-

тала. В июле 1944 года, когда деятельность Института была восстановлена, приборы вернули на свое место. Благодаря этому, отдел физиологии труда оказался наиболее обеспеченным оборудованием для возобновления научной работы. Этот факт из уст в уста, как легенда, передавался в Институте, было принято рассказывать об этом каждому вновь пришедшему в Институт. В 1951 году я расспрашивал об этой истории лично Надежду Цезаревну. Она, чуть ли не со слезами на глазах, рассказывала, как однажды пришла милиция и вместо ожидаемой благодарности, у нее стали требовать опись приборов, которые она унесла в 1941 году и тех, которые возвратила в 1944. Бюрократизм, недоверие к людям, которых заметно поубавилось в первые годы войны, возвращались с новой силой.

Уместно вспомнить обращение Сталина к Советскому народу в первые дни войны: «Дорогие братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои...» Ранее и в последующем такого неформального, теплого обращения Советские люди от своего вождя не слышали. Более того, когда отмечалась Победа «дорогие братья и сестры» превратились в простые «винтики».

В мае 1941 года аспирант Института Л. И. Медведь был назначен директором I Киевского медицинского института. На его долю выпало

выполнение огромной трудности и ответственности государственного задания — вначале мобилизовать студентов и преподавателей на рытье окопов под Киевом, а затем эвакуировать кадры и имущество I и II мединститутов, Института усовершенствования врачей, некоторых научно-исследовательских институтов вглубь страны. Он с этой задачей справился блестяще. Нарком здравоохранения СССР объявил ему благодарность [12].

Ниже приведены выдержки из воспоминаний участника тех событий — бывшего студента Киевского мединститута, а ныне академика Исаака Михайловича Трахтенберга — заведующего отделом Института: «...Помню напряженную череду далеких тревожных дней, когда под гул самолетов и уже отдаленно доносившихся до Киева орудийных канонад, мы старыми лопатами выбрасывали на поверхность сухую землю и утрамбовывали ямы, предназначенные для железобетонных заграждений. Стояла изнурительная жара, мешала работе волнующие мысли о судьбе близких и непредвиденном ожидании надвигающихся событий. Неожиданно от Льва Ивановича последовала команда срочно отозвать всех для подготовки к эвакуации. И в последующие июльские дни начался исход» [13].

С сентября 1941 по июль 1944 года Институт почти на три года прекратил свою деятельность.

Литература

1. Вавилов С. И. Советская наука на службе Родине / С. И. Вавилов. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1946. — С. 14.
2. История Коммунистической Партии Советского Союза: в 6 т.; Т. 5, кн. 1 (1938–1945 гг.). — М. : Политиздат, 1970. — С. 11–21.
3. Медведь Л. І. Тридцять років Київського інституту гігієни праці та професійних захворювань / Медведь Л. І. // Доповіді наукової сесії на честь 30-річчя інституту / відп. Ю. І. Кундієв; Київського інституту гігієни праці та професійних захворювань. — К., 1958. — С. 5–18.
4. Научные работы Киевского Научно-исследовательского Института гигиены труда и профзаболеваний за 1928–1958 годы (Библиографический указатель). — К., 1958. — С. 93.
5. Шахбазян Г. Х. (из неопубликованных записок).
6. Отчет Института за 1946 г. (неопубликован).

7. Второй украинский съезд промышленных врачей. 28 января – 2 февраля 1940 года: тезисы докладов / отв. ред. З. Д. Горкин. — Х.: Госметиздат УССР, 1940.

8. Протоколи з матеріалами засідань колегії Наркомздоров'я / Архивные материалы ЦДАВО. Фонд 342 опис 14.

9. Млечин Л. Председатели КГБ, рассекреченные судьбы / Л. Млечин. — М.: Центрполиграф, 1999. — С. 180.

10. Докладная записка народному Комиссару здравоохранения УССР от Главной Госпромсан инспекции НКЗ УССР. Архивные материалы ЦДАВО. Фонд 342 опис 14.

11. Витте Н. К. Неопубликованные воспоминания.

12. Автобиография Льва Ивановича Медведя // Л. Медведь. Воспоминания современников / под ред. Ю. И. Кундиева, И. М. Трахтенберга. — К.: Авіцена, 2005. — С. 8–10.

13. Трахтенберг И. М. Неопубликованные воспоминания.

Поступила: 01.10. 2012 г.

Контактное лицо: Кундиев Юрий Ильич, ГУ «Институт медицины труда НАМН Украины», ул. Саксаганского, д. 75, г. Киев, 01033. Тел.: +38 (044) 284-34-27.